

УДК 340.1

ПРАВООТНОШЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ СОЛИДАРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2024 г. С. Г. Василевич

Белорусский государственный университет, г. Минск

E-mail: Sergey.workmail.135@gmail.com

Поступила в редакцию 19.06.2024 г.

Аннотация. В статье анализируются позиции ученых относительно определения понятия «правоотношение», его признаков. Уделено внимание субъектам правоотношений, их правоспособности и дееспособности, включая деликтоспособность. Проанализировано влияние новых тенденций, таких как развитие информационных технологий, включение в конституционные тексты российской и белорусской конституций принципов солидарности и социальной ответственности и их влияние на развитие правоотношений. Дано авторское определение социальной ответственности.

Ключевые слова: правоотношение, признаки правоотношения, солидарность, социальная ответственность, понятие социальной ответственности.

Цитирование: Василевич С. Г. Правоотношение в условиях функционирования принципов солидарности и социальной ответственности // Государство и право. 2024. № 10. С. 224–229.

DOI: 10.31857/S1026945224100203

LEGAL RELATION IN CONDITIONS OF FUNCTIONING OF THE PRINCIPLES OF SOLIDARITY AND SOCIAL RESPONSIBILITY

© 2024 S. G. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk

E-mail: Sergey.workmail.135@gmail.com

Received 19.06.2024

Abstract. The article analyzes the positions of scientists concerning the definition of the concept of “legal relation”, its features. Attention is paid to the subjects of legal relations, their legal capacity and legal capability, including delictability. The influence of new trends, such as the development of information technologies, the inclusion of the principles of solidarity and social responsibility in the constitutional texts of the Russian and Belarussian constitutions and their impact on the development of legal relations is analyzed. The author’s definition of social responsibility is given.

Key words: legal relationship, signs of legal relationship, solidarity, social responsibility, concept of social responsibility.

For citation: Vasilevich, S. G. (2024). Legal relation in conditions of functioning of the principles of solidarity and social responsibility // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 224–229.

Введение

Среди различных социальных норм особое место занимают обязательные для исполнения правила поведения, т.е. нормы права, поскольку они, помимо регулирования важнейшей части общественных отношений, также подкрепляются принудительной силой государства. В научной литературе в поле пристального внимания остаются вопросы о понимании, признаках и содержании правовых отношений, их субъектах. Актуальным является вопрос об источниках, которые трансформируют общественные отношения в правовые отношения, то есть в таком качестве выступают только нормы права или соответствующее влияние оказывают правовые принципы, кто «создает» правовые отношения, когда выявляется пробел или противоречие в правовом регулировании и их необходимо восполнить или устранить.

В нынешних политических и экономических условиях, обусловленных современными вызовами и угрозами, право становится важным механизмом обеспечения устойчивого развития государства. Усиливаются требования к качеству нормотворческой деятельности и правоприменительному процессу. Именно эти два направления деятельности институтов власти формируют правовые отношения, определяют их структуру, содержание, участников.

Основная часть

Законодательство и практика в Российской Федерации в начале 1990-х годов привели к расслоению общества по причине появления состоятельных людей и граждан с невысокой заработной платой, к социальной стратификации. На этом фоне можно позитивно оценить появившуюся в 2020 г. в Конституции РФ ст. 75¹, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Полагаем, что социальная солидарность проявляется не только в формировании системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ст. 75). В Основном Законе появились и иные важные новеллы, например не только указанный принцип солидарности, но сохранение памяти предков, передавших новым поколениям идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признание исторически сложившегося государственного единства. Подчеркнуто, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ст. 67¹).

Данные конституционные положения предполагают новое качество правовых отношений, включая усиление старания каждого (гражданина, субъекта хозяйственной деятельности, социальных общностей и др.) работать на общее благо. Это и проявление инициативы, создание условий для активизации человеческого потенциала, развитие деловой активности, использование опыта иных государств по стимулированию активного и законопослушного поведения участников общественных отношений, расширение сферы применения социальных рейтингов, установление прогрессивной системы налогообложения и др. В сложный период для государства часто предприниматели сами иницируют повышение ставки налогообложения. Проявление меценатства также является отражением социальной солидарности.

В дореволюционной России богатые люди часто отдавали половину и более своего имущества на общественное благо. Многие российские предприниматели оказывают существенную благотворительную помощь.

В ст. 21 Конституции Республики Беларусь по итогам республиканского референдума 2022 г. появилось близкое к идее солидарности положение: каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства.

Социальную и правовую ответственность следует различать: первое понятие более широкое, правовая ответственность является разновидностью социальной ответственности. При этом социальные нормы, которые определяют социальную ответственность без охвата ею юридической ответственности (социальная ответственность в узком понимании), конечно, не создают правовое отношение, но понимаемая в таком плане социальная ответственность может трансформироваться в юридическую и, наоборот, если законодатель посчитает необходимым расширить или ограничить правовое регулирование отношений, включая охранительные правоотношения. Подход белорусского законодателя о возведении в ранг конституционного принципа социальной ответственности каждого, т.е. человека, организации, должностного лица, социальных групп и т.д., важен с точки зрения активизации человеческого потенциала, перспектив создания нового вектора правового регулирования. Этот принцип в определенной степени перекликается с идеей позитивной юридической ответственности, хотя, на наш взгляд, указание на социальную, а не на юридическую ответственность несколько смягчает вывод о возможных отрицательных последствиях для субъектов правоотношений, которые «не проявили социальную ответственность». Отрицательные последствия будут зависеть от правовой регламентации.

Указанные конституционные нормы окажут влияние на развитие правовых отношений, динамику развития законодательства. В доктрине для классификации правоотношений используется широкий спектр оснований. С учетом предметной направленности выделяются отраслевые правоотношения (конституционные, административные, гражданские и др.), в зависимости от количества участников — двусторонние и многосторонние¹. Эту классификацию можно продолжить, но остановимся с учетом функционального критерия на более детальном анализе двух видов правоотношений — регулятивных и охранительных. Для первых характерны правомерные действия субъектов права, а для вторых — применение мер государственного принуждения при совершении правонарушения². Касаясь регулятивных правоотношений, отметим наличие критики со стороны научного сообщества и практических работников по поводу избыточности правовой регламентации, противоречивости и неопределенности правовых норм, отсутствия прогноза их действия, что приводит к частым корректировкам актов законодательства, затратам времени и материальных ресурсов и т.п.

Дореволюционные российские ученые, а также представители науки советского и постсоветского периода рассматривали правовые отношения как урегулированные

¹ См.: Общая теория государства и права: курс лекций / под общ. ред. А.Ф. Вишневого. Минск, 1998. С. 437–440.

² См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 347.

нормами права общественные отношения³ либо как форму общественных отношений⁴.

Теория правоотношений актуализируется в связи с обновлением конституционных текстов (например, некоторым смещением, на наш взгляд, баланса частных и публичных интересов, фиксацией принципа солидарности), внедрением новых технологических императивов на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, цифровизации социально-экономических и политических сфер, развития искусственного интеллекта (возникают острые дискуссии относительно правосубъектности искусственного интеллекта) и др.

При всем различии в определении правоотношения, его отличительных признаков, подходы ученых во многом совпадают, т.е. теоретико-правовые знания в данной области в определенной степени систематизированы. Так, М.Н. Марченко рассматривает правоотношения как регулируемые правом социальные отношения, в которых их участники обладают субъективными правами и несут юридические обязанности, которые охраняются и гарантируются государством. К признакам правоотношения он относит следующее: это особая разновидность социальных отношений; отражают выраженную в нормах волю государства и волевые действия их участников; фиксируют многоплановые связи их участников в силу наличия субъективных прав и юридических обязанностей; обеспечиваются силой государственного принуждения⁵. В.С. Нерсисянц определяет правовое отношение как опосредуемую нормой права форму взаимоотношений участников общественных отношений, приобретающих и реализующих субъективные права и юридические обязанности⁶.

Аналогичные подходы выражены и иными авторами, которые рассматривают правоотношения как ту часть социальных отношений, которые стали предметом регулирования правом, охраняются государством, а их участники являются обладателями взаимно корреспондирующих друг другу юридических прав и обязанностей. К признакам относят следующие: порождаются правовыми нормами; субъекты правоотношений обладают взаимосвязанными правами и юридическими обязанностями; имеют волевой характер; охраняются принудительной силой государства; субъекты индивидуализированы, права и обязанности персонализированы⁷.

Вопреки выдвигаемой некоторыми учеными идеи абсолютных и общих правоотношений С.Ф. Кечекьян⁸ и В.Д. Сорокин⁹ подчеркивали, что в правовых отношениях всегда присутствует связь между субъектами, взаимодействие

между ними в силу наличия у них субъективных прав и юридических обязанностей.

Таким образом, при всем множестве различных определений и характеристик правовых отношений они все близки по сути и в значительной степени отражают оценку, высказанную в советское время известным ученым О.С. Иоффе, исследовавшим природу правоотношений. Он подчеркивал, что нормы права, содержащие общие правила поведения в правоотношении конкретизируются посредством адресации его участникам, обретая субъективные права и обязанности; спецификой правового отношения является то, что его участники являются носителями прав и обязанностей, которые сопутствуют правовому отношению непрерывно; корректировка прав и обязанностей или их прекращение ведет к такой трансформации правоотношения¹⁰.

В.С. Бялт и С.Ю. Чимаров представили свое специфическое видение правовых отношений, претендуя на некоторую оригинальность. Они все признаки правоотношения подразделили на две группы: а) признаки, характерные для любого, как они отмечают, неправового социального отношения; к ним относят «социальность; нормативность; гарантированность; санкционированность»; б) признаки, позволяющие отличить правоотношение от социального отношения; среди них выделяют «правовой характер; правомерность; непосредственная связь с государством; правосубъектность лиц; корреспондирование прав и обязанностей субъектов»¹¹.

Однако нельзя согласиться с позицией указанных авторов, согласно которой неправовые отношения характеризуются нормативностью, гарантированностью, подкрепляются санкциями. Эти качества характерны именно для правовых отношений, которые являются разновидностью социальных отношений. То есть та часть общественных отношений, которые не урегулированы нормами права, в юридическом смысле не обладает «нормативностью, гарантированностью и санкционированностью», по крайней мере со стороны государства, но может подкрепляться, действительно, иными социальными регуляторами (нормами морали, нравственности, религиозными нормами).

В научной литературе правильно подчеркивается, что наряду с правовыми отношениями существуют морально-нравственные, политические, экономические, религиозные и др. Таким образом, правоотношения можно рассматривать как разновидность общественных отношений.

В юридической литературе не всегда проводятся различия между категориями «субъект правоотношения» и «субъект права»: основное отличие заключается в том, что субъект права является только потенциальным участником какого-либо правоотношения, в то время как субъект правоотношения, будучи субъектом права, становится конкретным его участником¹².

В научной литературе обращается внимание на рассмотрение категории «субъект права» с позиций естественного и позитивного права, между которыми имеются существенные различия. С позиции естественно-правовой теории

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004. С. 176.

⁴ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 91; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 623, 624.

⁵ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 585–590.

⁶ См.: Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2023. С. 508.

⁷ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 6-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 374–377; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2015. С. 288–290; Комаров С.А. Общая теория государства и права: учеб. 8-е изд., доп. СПб., 2010. С. 247.

⁸ См.: Кечекьян С.Ф. Норма права и правоотношение // Сов. государство и право. 1955. № 2. С. 24.

⁹ См.: Сорокин В.Д. О структуре предмета правового регулирования // Правоведение. 1972. № 6. С. 78.

¹⁰ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.

¹¹ См.: Бялт В.С., Чимарев С.Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3–1 (66). С. 111.

¹² См.: Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2009. С. 271.

в объем прав субъекта включаются естественные права человека¹³.

Доминирующим в научном дискурсе является позитивистский подход к определению субъекта права, в трактовке которого субъектом права считаются физические или юридические лица, согласно законодательству обладающие правоспособностью и дееспособностью. Правоотношение является отражением динамики развития реальности, что проявляется в активных и пассивных действиях его субъектов отношения¹⁴.

В научной литературе подчеркивается, что субъектами правовых отношений являются обладающие субъективными правами и юридическими обязанностями индивиды и организации¹⁵. То есть круг субъектов правоотношений весьма широкий. Г.В. Мальцев в качестве субъекта права наряду с отдельным человеком выделял также наделенные правами и обязанностями социальные организации людей, подчеркивая, что таковыми они признаются законами государства¹⁶.

Для участия в правоотношениях необходимо обладать правосубъектностью. Л.И. Петражицкий выделял активную правоспособность (иметь права) и пассивную (иметь обязанности)¹⁷. В научной литературе обращается внимание на дифференциацию моментов, с которыми связывается возникновение правоспособности. Для физических лиц различия могут заключаться в том, о каких отношениях идет речь: если об имущественных, то правоспособность связана с моментом рождения, полная дееспособность наступает по достижении 18 лет; для неимущественных правоотношений, как утверждается, характерно одновременное наступление правоспособности и дееспособности при достижении определенного возраста¹⁸. Однако с таким утверждением трудно согласиться, так как для неимущественных отношений наступление правоспособности можно связать с появлением субъекта, т.е. рождением ребенка, реализовать свои права он сможет по достижении определенного возраста. Что касается правоспособности и дееспособности юридических лиц, то в данном случае согласимся с выводом об их одновременном возникновении с созданием юридического лица¹⁹.

Частным проявлением дееспособности является деликтоспособность, которая определяется такими отраслями права, как административное, уголовное, гражданское, трудовое, конституционное. В настоящее время актуализируется проблема правосубъектности искусственного интеллекта, в том числе возникает вопрос о его деликтоспособности.

Таким образом, субъектами правоотношений являются реальные их участники (они ими уже являются), а субъекты права — это потенциальные участники²⁰.

Исследователи разграничивают правоспособность на полную (субъект имеет все права) и ограниченную (какими-либо правами он не обладает), что может быть обусловлено естественными, социальными или иными причинами. Ограничения также могут касаться и дееспособности²¹.

Субъект права может вступать в правоотношения по собственному желанию либо по причине выполнения предусмотренной законодательством обязанности.

Данным правовым феноменом занимались С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, О.С. Иоффе, Л.Б. Зуев, О.О. Миронов, В.С. Основин, И.Е. Фарбер, М.Д. Шаргородский, Ц.А. Ямпольская и др. Их позиция заключалась в признании субъектом права физического лица, коллектива людей, организации, которые имеют права и обязанности, обладают правосубъектностью.

Так, на основе результатов своих исследований, анализа практики реализации правосубъектности в правоотношениях В.Е. Чиркин предложил новое, более широкое определение понятия *субъект права*. По его мнению, «субъект права — это самостоятельное (автономное в пределах закона) образование, имеющее свои интересы, цели и волю, права и обязанности, выполняющее свою роль в обществе, участвующее в создании норм права и (или) в правоотношениях»²².

Происходящие в обществе перемены, активное внедрение информационных технологий изменяют концепцию взаимоотношений человека и государства: административное государство постепенно заменяется «концепцией эффективного государства с высококвалифицированными государственными служащими, идеей тесной взаимосвязи государства и населения. Этого можно достичь только на четкой правовой основе при согласованной деятельности органов государственной власти с учетом требований информационного общества»²³.

Полагаем, что при определении эффективности государственного управления необходимо учитывать комплекс оценок: с точки зрения достижения поставленных целей с учетом общественных интересов, а также включая оценку самой системы государственного управления.

Угрозу стабильности государства и общества несет преступность, возможный рост правонарушений. В современных условиях потенциал предупреждения преступлений и иных правонарушений усиливается за счет использования информационных технологий. Они способствуют также раскрытию правонарушений благодаря технологиям, позволяющим идентифицировать личность. Под цифровой идентификацией понимается набор технологий и индивидуальных устройств для верификации личности по биометрическим данным (отпечаткам пальцев, скану лица, сетчатке глаза), цифровым паспортам или ID-картам, паролям, QR-кодам и PIN-кодам. Многие люди используют биометрические данные для совершения банковских операций, оплаты покупок с использованием смартфона и т.п. Разработаны и действуют алгоритмы глубокого обучения и устройства, позволяющие быстро собирать и обрабатывать биометрические

¹³ См.: Биктагиров Р.Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46–63.

¹⁴ См.: Прокопьев А.Ю. Понятие и особенности правовых отношений в общетеоретическом правовом учении // Современное право. 2015. № 3. С. 5–11.

¹⁵ См.: Миронов В.О. Субъекты правовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 212.

¹⁶ См.: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968.

¹⁷ См.: Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 380.

¹⁸ См.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 307.

¹⁹ См.: там же.

²⁰ См.: Кожевников В.В. О некоторых проблемах классификации правоотношений и их субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2 (34). С. 160.

²¹ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. 4-е изд. М., 2007. С. 463.

²² Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 35.

²³ Добрынин Н.М., Митин А.Н. Дискурс о проблемах эффективности государственного управления // Государство и право. 2014. № 2. С. 17.

данные. Конечно, такие устройства крайне полезны и помогут, например, правоохранительным органам при поиске и установлении лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако возникают вопросы: где будут храниться эти данные и какова вероятность того, что не произойдет их утечки, а также не воспользуются ли этими данными в незаконных целях лица, обладающие в силу занимаемого положения доступом к ним?

По мере развития технологий, программных продуктов, различных приложений для профессиональных компьютеров, смартфонов, умных часов и других гаджетов цифровая идентификация личности постепенно воспринимается сознанием людей. Граждане привыкают получать услуги в цифровом формате и использовать при этом для подтверждения своей личности биометрические, а также иные формы цифровой идентификации.

Потенциал информационных технологий влияет на развитие правовых отношений, он значим для применения на практике с целью предупреждений правонарушений. Благодаря им становится более эффективным труд сотрудников правоохранительных органов. Например, автоматизирован процесс фиксации нарушения скоростного режима. К сожалению, в Республике Беларусь в настоящее время с помощью специальных технических средств фиксируется лишь нарушение скоростного режима.

Крайне важно отметить, что помимо положительных аспектов цифровой идентификации, одним из которых является удобство в использовании, существуют и отрицательные. Так, например, цифровая идентификация без надлежащего контроля может быть использована во вред системными администраторами, независимо от того, на частную или государственную организацию (включая органы власти) они работают, поскольку получают не только доступ к массивному объему персональных данных, но и контроль над ними. Люди обоснованно опасаются рисков, связанных с кражей своих персональных данных.

Одним из важных вопросов, который всегда возникает: во имя какой цели вводится изменение в действующую систему органов управления. Это предполагает возрастание ответственности за прогноз последствий принятия акта, его эффективную реализацию. Государственное управление осуществляется посредством деятельности государственных органов и должностных лиц. Важна системная и слаженная работа всех органов государственной власти. Именно социальный характер государства определяет необходимость поиска оптимальных решений. Необходимо уделить внимание структуре занятости, оптимизации не только в госаппарате, но и на производстве в плане соотношения управленцев и тех, кто занят производством, непосредственно оказанием услуг. Экономии полученных средств надо использовать на развитие здравоохранения, науки, социальной сферы, а также частично на повышение заработной платы в сфере управления.

Сейчас в доктрине в целом сформировался консенсус о признании большой роли информационных технологий для усиления потенциала государственного управления, обеспечения более эффективной связи граждан и государства, оперативности принятия решений.

В начале статьи нами ставился вопрос об актуальности источников, которые «трансформируют» общественные отношения в правовые отношения. Полагаем, что такую функцию выполняют не только нормы права, но и правовые принципы. Поддерживаем позицию ученых, рассматривающих принципы права в качестве императивных требований,

которые закрепляют стандарты поведения субъектов правоотношений, хотя и признают неоднородность их императивности, подчеркивают зависимость от видов принципов²⁴. Одним из дискуссионных пока остается вопрос относительно влияния на правовую регламентацию конституционных положений, содержащих указание не только на юридические обязанности, но и на долг. В Конституции РФ более полутора десятков раз используются понятия «долг», «должен», «должны». Эти положения носят морально-этический характер и не образуют правоотношение или же в силу конституционного закрепления приобретают императивный характер, их реализация подкрепляется силой государственного принуждения. Автор склоняется ко второй оценке. В некоторых случаях увязываются оба понятия «обязанность» и «долг», тем самым приобретая более сильное качество.

Заключение

Принципы солидарности и социальной ответственности являются близкими по содержанию категориями; после закрепления соответственно в основных законах Российской Федерации и Республики Беларусь ставшие конституционными императивами, определяющими вектор и содержание правовых отношений. Трансформация общественных отношений в правовые отношения происходит на основе правовых норм и принципов.

Предлагается следующее определение понятия социальной ответственности: *социальная ответственность каждого — это внутренне осознанное соответствующим субъектом поведение, отражающее желание приносить пользу обществу и государству, а также подкрепляемое силой правового или общественного воздействия использование участником общественных отношений своих способностей для удовлетворения не только личных интересов, но и для общественного блага с учетом имеющихся физических, материальных и иных ресурсов*. Полагаем, что при всех различиях между понятиями «солидарность» и «социальная ответственность» данное определение приемлемо и для такой категории, как «солидарность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биктагиров Р. Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46–63.
2. Бялт В. С., Чимарев С. Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3–1 (66). С. 111.
3. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. 4-е изд. М., 2007. С. 463.
4. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 623, 624.
5. Добрынин Н. М., Митин А. Н. Дискурс о проблемах эффективности государственного управления // Государство и право. 2014. № 2. С. 17.
6. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.
7. Кечекьян С. Ф. Норма права и правоотношение // Сов. государство и право. 1955. № 2. С. 24.
8. Кожевников В. В. О некоторых проблемах классификации правоотношений и их субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2 (34). С. 160.

²⁴ См.: Принципы публичного права / под ред. Е. В. Титовой, Е. В. Подшивалова. М., 2023. С. 9.

9. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учеб. 8-е изд., доп. СПб., 2010. С. 247.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004. С. 176.
11. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2009. С. 271.
12. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 347.
13. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968.
14. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 585–590.
15. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства права: учеб. 6-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 374–377.
16. Мironov V.O. Субъекты правовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 212.
17. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2023. С. 508.
18. Общая теория государства и права: курс лекций / под общ. ред. А.Ф. Вишневого. Минск, 1998. С. 437–440.
19. Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 380.
20. Принципы публичного права / под ред. Е.В. Титовой, Е.В. Подшивалова. М., 2023. С. 9.
21. Прокопьев А.Ю. Понятие и особенности правовых отношений в общетеоретическом правовом учении // Современное право. 2015. № 3. С. 5–11.
22. Сорокин В.Д. О структуре предмета правового регулирования // Правоведение. 1972. № 6. С. 78.
23. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 91.
24. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 307.
25. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2015. С. 288–290.
26. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 35.
4. Venediktov A.V. State socialist property. М., L., 1948. Pp. 623, 624 (in Russ.).
5. Dobrynin N.M., Mitin A.N. Discourse on the problems of the effectiveness of public administration // State and Law. 2014. No. 2. P. 17 (in Russ.).
6. Joffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law. М., 1961 (in Russ.).
7. Kechekyan S.F. Norm of law and legal relationship // Soviet State and Law. 1955. No. 2. P. 24 (in Russ.).
8. Kozhevnikov V.V. On some problems of classification of legal relations and their subjects // Herald of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2020. No. 2 (34). P. 160 (in Russ.).
9. Komarov S.A. General theory of state and law: textbook. 8th ed. SPb., 2010. P. 247 (in Russ.).
10. Korkunov N.M. Lectures on the General theory of law. SPb., 2004. P. 176 (in Russ.).
11. Kulapov V.L., Mal'ko A.V. Theory of state and law: textbook. М., 2009. P. 271 (in Russ.).
12. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law: textbook for universities. 3rd ed., rev. and add. М., 2004. P. 347 (in Russ.).
13. Maltsev G.V. Socialist law and personal freedom (theoretical issues). М., 1968 (in Russ.).
14. Marchenko M.N. Theory of State and law: textbook. 5th ed., rev. and add. М., 2020. Pp. 585–590 (in Russ.).
15. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Theory of the state of law: textbook. 6th ed., rev. and add. М., 2020. Pp. 374–377 (in Russ.).
16. Mironov V.O. Subjects of legal relations // Law and the State: Theory and Practice. 2019. No. 12 (180). P. 212 (in Russ.).
17. Nersesyan V.S. General theory of law and the state: М., 2023. P. 508 (in Russ.).
18. General theory of state and law: a course of lectures / under the general ed. of A.F. Vishnevsky. Minsk, 1998. Pp. 437–440 (in Russ.).
19. Petrazhitzky L.I. Theory of state and law in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 1907. Vol. 2. P. 380 (in Russ.).
20. Principles of public law / ed. by E.V. Titova, E.V. Podshivalov. М., 2023. P. 9 (in Russ.).
21. Prokopyev A. Yu. The concept and features of legal relations in general theoretical legal doctrine // Modern law. 2015. No. 3. Pp. 5–11 (in Russ.).
22. Sorokin V.D. On the structure of the subject of legal regulation // Law studies. 1972. No. 6. P. 78 (in Russ.).
23. Khalfina R.O. The general doctrine of legal relations. М., 1974. P. 91 (in Russ.).
24. Khropanyuk V.N. Theory of State and law. М., 2008. P. 307 (in Russ.).
25. Cherdantsev A.F. Theory of state and law: textbook for universities. М., 2015. Pp. 288–290 (in Russ.).
26. Chirkin V.E. A legal entity of public law. М., 2007. P. 35 (in Russ.).

REFERENCES

1. Biktagirov R.T. The subject of law as a basic category of jurisprudence // Citizen. Elections. Power. 2018. No. 2. Pp. 46–63 (in Russ.).
2. Byalt V.S., Chimarev S. Yu. On the question of the concept and signs of legal relations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3–1 (66). P. 111 (in Russ.).
3. Vengerov A.B. Theory of state and law: textbook. 4th ed. М., 2007. P. 463 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВАСИЛЕВИЧ Сергей Григорьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета; 220030 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 8

Authors' information

VASILEVICH Sergey G. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Belarusian State University; 8 Leningradskaya str., 220030 Minsk, Republic of Belarus